

И.З. СЕРМАН

**СВОБОДНЫЕ
РАЗМЫШЛЕНИЯ**

Воспоминания
Статьи

Москва
Новое литературное обозрение
2013

В ЗАЩИТУ «ГРАФА НУЛИНА»

Бесспорный шедевр пушкинской стихотворной новеллистики «Граф Нулин» стал неожиданно в XX веке предметом глубокомысленных, а иногда и чрезмерных усилий в поисках подозреваемого в нем «второго плана».

Однако один из современников Пушкина уловил в поэме всеопределяющую грустную ноту, не замечаемую среди блесков остроумия и шутливости, какими поэма наполнена.

Эту пушкинскую тему первым отметил Белинский, правда, в частном письме, а не в журнальной публикации. 21 июня 1837 года он писал из Петербурга К.С. Аксакову: «Что за поэт этот Пушкин! Я с наслаждением и несколько раз перечел его — что бы ты думал — его “Графа Нулина”. Не говоря о верности изображений, волшебной живости рассказа, удивительном остроумии, он и в этой шутке, в этой карикатуре не изменяет своему характеру, который составляет грустное чувство¹:

Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот, верно, знает сам,
Как сильно колокольчик дальный
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой?..
Уж не она ли?.. Боже мой!
Вот ближе, ближе... сердце бьется...
Но мимо, мимо звук несется,
Слабей... и смолкнул за горой².

В этом обращении к «друзьям», далеким, но все же близким, в этом упоминании о «запоздалом» друге как бы прорывается сквозь прозу быта и легковесность героев поэмы серьезная, почти трагическая тема одиночества и несвободы.

Эта лирическая тема пронизана тем чувством грусти-уныния, которое Пушкин считал особенным свойством национального характера и всей русской поэзии («От ямщика до первого поэта мы все поем уныло...»).

Поэма построена на авторском, прямо высказанном отношении к событиям и людям, в поэме изображенным. Вся скука деревенской жизни, вся ее ежедневная проза с подробным пере-

числением того, что можно увидеть на грязном дворе: «Три утки полоскались в луже» и т.д. — все это, как ни странно, сосредоточено на любимом пушкинском времени года — осени.

Обычно, когда говорят о лирической ноте в поэме, то приводят действительно почти трагически звучащие строки: «Кто долго жил в глуши печальной...». Но ведь эта лирическая нота, эта печаль узника «глуши» звучит с особенной силой в перечислении того багажа, с которым едет из Парижа граф Нулин. Ведь все, что он везет с собой, и самая возможность это везти из источника новейших мод и идей представляется михайловскому узнику прельстительной и недостижимой. Как это ни удивительно, но никто из исследователей такой веселой поэмы не задумался над горестным положением сосланного без определенного срока и без надежд на его сокращение бесправного узника.

Зная неистребимую, так и не удовлетворенную тягу Пушкина к центрам современной цивилизации — Парижу и Лондону, можно понять, с какой завистью он сообщает о том, что Нулин везет нашу мешущую брошюру Гизо, альбом политических карикатур, новый роман Вальтер-Скотта, последнюю песенку Беранже, *bons-mots* парижского двора... Все, что недоступно, или почти недоступно, ему самому.

Реплика графа Нулина — «Как можно жить в ее (России) снегах» — так созвучна переживаниям самого Пушкина в Михайловском, его нечастым, но выразительным замечаниям в письмах «скучно», «душно»; его мечтам о том, что Александр позволит ему «выбрать себе сторону по сердцу», «...черт возьми это отечество...» На этом фоне разговор о парижских театрах, о том, что недоступно, но о чем все-таки мечтается, и забавляет, и ранит автора:

А что театр? — О! Сиротеет,
 C'est bien mauvais, ça fait pitie.
 Тальма совсем оглох, слабеет,
 И мамзель Марс — увь! стареет...
 Зато Потье, le grand Potier!
 Он славу прежнюю в народе
 Доныне поддержал один. (4, 241)

Вот эта лирическая нота — тоска по свободе, мечты о Париже как о чем-то несбыточном — видимо, внушила исследователям стремление найти за очевидным нечто вроде второго плана. Его искали уже и критики 1920-х годов.

Гершензон, инициатор философского толкования поэмы, был осторожен и только предположил, что «Пушкин одел свою мысль

в жанровую и шутовскую одежду, мастерски сшитую, но ведь одежда есть только одежда, *прикрытие*, и ничего больше...»³ Далее он не пошел, высказав не очень убедительное предположение об исторической мысли Пушкина, скрытой за внешним сюжетом поэмы.

Гуковский увидел в «Графе Нулине» «историческое произведение о современности и изображение обывденных и вовсе не свободолюбивых людей, обывателей, российских дворян, которые и составляют реальное большинство благородного сословия и, увы, реальную политическую силу»⁴.

Сидяков считал, что «совпадая в основном с изображенным в романе (речь идет о «Евгении Онегине». — И.С.) бытовым фоном, на который проецируются судьбы главных героев, среда, воспроизведенная в “Графе Нулине”, противостоит автору, предопределяя иронический и сатирический контекст поэмы в целом»⁵. В смысле бытовом и, может быть, идеологическом такое противопоставление в поэме есть. Но оно полушутливо-полусерьезно снимается общим, в конечном счете, интересом «героев» и «автора» к веяниям парижской, заграничной, свободной жизни. «Автор» как бы сквозь слезы смеется над их болтовней о парижских театрах, о которых он даже мечтать не смеет...

Один из новейших исследователей поэмы, Есипов, вслед за Гершензоном писал, что «представление о поэме как о произведении, лишенном серьезной проблематики, не соответствует истине»⁶. Сопоставляя «Графа Нулина» с поэмой Байрона «Беппо», которой Пушкин, как утверждает Есипов, подражал «в разработке характеров героев и построении сюжета», Есипов цитирует Байрона:

XVII

Мы знаем, добродетель Дездемоны
От клеветы бедняжку не спасла.
До наших дней от Рима до Вероны
Случаются подобные дела.
Но изменились нравы и законы...⁷

И приходит к выводу, что «именно здесь очерчена творческая задача: показать, как изменились общественные представления о морали по сравнению с представлениями Шекспира»⁸.

Соглашаясь с тем, что «авторская ирония по поводу супружеской верности Натальи Павловны звучит здесь столь явно, что избавляет от необходимости что-либо комментировать»⁹, Есипов ищет глубинного смысла поэмы в другом. По его мнению, «Пушкин не против европейского просвещения, он против его поверх-

ностного, неорганичного для России восприятия. Таким пустым, поверхностным потребителем всего европейского предстает в поэме граф Нулин с первых строк знакомства с ним»¹⁰.

И окончательный вывод об обоих героях поэмы: «Наталья Павловна и граф Нулин неподлинны: они лишь копируют в своем поведении чужие образцы, в том числе и байроновские, именно в этом их истинная пародийность. <...> Герои “Графа Нулина”, как и их человеческие пороки, являющиеся объектами авторской иронии, следствие неадекватности восприятия плодов европейского просвещения в России»¹¹.

Б.М. Гаспаров соглашается с Гуковским «в том смысле, что “Граф Нулин”, конечно же, не является простой аллегорией каких-либо исторических или политических идей; первый план поэмы, ее прямой смысл имеет свое собственное полноценное значение»¹². Однако, «соглашаясь» снисходительно с Гуковским, вслед за этим вежливым согласием Гаспаров с ним спорит, утверждая наличие в поэме «второго смыслового плана», который «возникает в качестве напряжения, существующего между рассказанной в поэме историей, вполне реальной в ее гротескном правдоподобии, и тем символическим потенциалом, который заключен в ее образах и положениях»¹³. Итак, в поэме помимо ее прямого смысла существует какое-то особенное «напряжение» и «символический потенциал», позволяющий Б.М. Гаспарову свободно расправиться с «прямым смыслом» поэмы. Почему-то этот прямой смысл ему очень не нравится.

Оказывается, что в поэме многократно — и с неизменной пародийностью — реализуется в связи с образом ее главного героя мотив «зверя»¹⁴:

Себя казать, как чудный *зверь*,
В Петрополь едет он теперь. (4, 240)

Другое уподобление «зверю» Б.М. Гаспаров видит в том, что крадущийся в спальню героини граф сравнивается с котом.

Затем используются угрозы мужа графу:

Он говорил, что граф дурак,
Молокосос; что если так,
То графа он визжать заставит,
Что псами он его затравит. (4, 248)

И тут следует удивительная цепь сопоставлений, создающая действительно немислимое «напряжение» в сознании исследова-

теля, а не Пушкина: «Эта ситуация ассоциирует Нулина с еще одним “зверем” — зайцем. (Напомним в этой связи о роли зайца в событиях, послуживших предысторией создания поэмы; вспомним также о желании Пушкина превратиться в борзую, чтобы затравить зайца, перебежавшего ему дорогу в 1833 году.) В обоих случаях “зверя” обращают в бегство собаки. Данная ситуация, в ее проекции на образ нашествия мифологического “зверя”, заставляет вспомнить знаменитую басню Крылова 1812 года “Волк на псарне”, в которой изгнание Наполеона из России изображалось в образах травли волка»¹⁵.

По мнению Гаспарова, граф Нулин являет собой inferнальную фигуру. Как же доказывается его inferнальность? В перечисление того, что везет с собой граф Нулин, входит «ужасная книжонка Гизота». Ей дается такое объяснение: «“Ужасной книжонкой” иронически названы сочинения Гизо, доказывавшего историческую неизбежность падения монархии и установления республиканской формы правления; этот насмешливый эпитет в буквальном своем применении придает данному атрибуту графа Нулина *инфернальный отголосок*»¹⁶. Но кто же собирается применять буквально иронический эпитет «ужасный»? Inferнальность вкладывается в этот эпитет исследователем, и делается это с вполне очевидным расчетом — усилить необходимое «напряжение» и дать окончательное объяснение «символического потенциала» поэмы: «Итак, образ заглавного героя поэмы несет в себе множество черт, имеющих на поверхности чисто комический и сниженно-бытоописательный характер; однако внутренняя форма всех этих бытовых клише, совершенно стершаяся в повседневном их употреблении, с замечательной последовательностью проецирует “явление” графа Нулина в план апокалипсических символов. В этой проекции Нулин предстает в облике Антихриста, “чудного зверя”, который неожиданно является из Парижа (“нового Вавилона”), вооруженный inferнальными атрибутами: богохульной песней, насмехающейся над Богом, “ужасной книгой”, провозглашающей падение “священной власти” монарха. Сама парадоксальность этого вторичного смысла, несоответствие комическому внешнему облику ситуации может быть понята как часть мимикрии Сатаны, истинная личина которого открывается только умеющим читать скрытые “знаки”; эти расставленные скрытые знаки пародийно соответствуют тому напряженному поиску апокалипсических “знамений”, который был характерен для умонастроения русского общества в 1812 году»¹⁷.

Далее идет речь о символическом потенциале героини поэмы и ее имени: «Поэма “Граф Нулин” по времени своего написания

занимала как бы промежуточное положение между двумя периодами пушкинского творчества, в которых имя “Наталья” выступало в различных стилистических и ассоциативных модусах — простонародно-почвенническом и сакральном. Можно полагать, что в имени героини поэмы контаминируются оба этих смысловых плана. Такому предположению соответствует тот факт, что автор, в сущности, дает своей героине два имени:

К несчастью, героиня наша...
(Ах! Я забыл ей имя дать.
Муж просто звал ее Наташа,
Но мы — мы будем называть:
Наталья Павловна). (4, 238)

Бытовой облик Нулина как “шеголя” заключал в себе черты апокалипсического “зверя”; подобно этому, бытовой, простонародно-деревенский характер героини скрывает в себе мифологический подтекст. В своей встрече с графом Наташа/Наталья Павловна олицетворяет не только “Русь” в почвенническом и бытовом значении этого знака (то есть укорененность “здоровых традиций”, торжествующих над сюжетной логикой любовной интриги), но и “святую Русь” в ее противостоянии нашествию “зверя”¹⁸.

Беспристрастный читатель может только удивляться выстроенному на основании воображаемого «символического потенциала» другому сюжету и, в сущности, другой поэме. Завязка сюжета пушкинской поэмы проста и несомненно восходит к водевилям и комедиям его любимца, Хмельницкого, — в дороге ломается коляска, и герой попадает в незнакомую ему усадьбу, где и развиваются любовные отношения.

Никто из предшественников Гаспарова в изучении «Графа Нулина» не обращал внимания на фарсово-комическую, водевильную природу этой поэмы. Может быть потому, что о юморе говорить серьезно очень трудно, мы к этому не приучены. И когда говорим о «Недоросле» Фонвизина, заставлявшем смеяться не только современников, но и потомство, предпочитаем говорить о Стародуме с компанией, а не о Простаковых...

Как верно заметил Е.Г. Эткинд, «в стихах Пушкина над смысловой преобладает информация “избыточная”: слова, говоря о самих себе, еще и навязываются читателю, требуют его реакции на то, что они “презренная проза”, ждут его улыбки. И эта внесмысловая “избыточность” слов, эта игра становится особенно ощутимой на крутых переходах от одного стиля к другому. Только что была простая, подчеркнута обыденная разговорная речь, и вдруг слог меняется...» Привожу полностью весь отрывок, о котором идет речь:

В последних числах сентября
 (Презренной прозой говоря)
 В деревне скучно: грязь, ненастье,
 Осенний ветер, мелкий снег,
 Да вой волков; но то-то счастье
 Охотнику! Не зная нег,
 В отъезжем поле он гарцует,
 Везде находит свой ночлег,
 Бранится, мокнет и пирует
 Опустошительный набег. (4, 237—238)

И далее следует стилистический комментарий Е.Г. Эткинда: «...“Не зная нег, в отъезжем поле он гарцует...” Появляются: и деепричастный оборот, и высокое слово “нега” в еще более возвышающем его множественном числе <...> — здесь оно выступает в качестве поэтического синонима для понятия “удобство”, “комфорт” — и, наконец, бесспорно старинное и поэтому возвышенно-поэтическое сочетание “пирует опустошительный набег”»¹⁹.

Тонкая игра смыслами, удивительная смелость сочетания разностильных слов — вот то поэтическое совершенство, которое Б.М. Гаспаров презрительно называет «клише».

Конечно, как говаривал еще Третьяковский, литературные споры не решаются большинством голосов, и каждый может быть «рад своему дебошу», как заявлял один из персонажей Островского.

И все же хочется защитить Пушкина от инфернальных увлечений, поскольку сам-то поэт защититься не может...

¹ *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. XI. С. 132—133.

² *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 4. С. 239. Далее ссылки на это издание в тексте.

³ *Гершензон М.* Статьи о Пушкине. М., 1926. С. 44.

⁴ *Гуковский Г.А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 80.

⁵ *Сидяков Л.С.* «Евгений Онегин», «Цыганы» и «Граф Нулин» (К эволюции пушкинского стихотворного повествования) // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. С.14.

⁶ *Есипов В.М.* О замысле «Графа Нулина» // Московский пушкинист. II. М., 1996. С. 7.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 21.

¹¹ Там же.

¹² *Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина. СПб., 1999. С. 260.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 261.

¹⁵ Там же. С. 261—262.

¹⁶ Там же. С. 262.

¹⁷ Там же. С. 262—263.

¹⁸ Там же. С. 265—266.

¹⁹ *Эткинд Е.Г.* О «презренной прозе» // Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 227.